

ЭТОТ НОМЕР „КРОКОДИЛА“ ВЫХОДИТ В 3-х ИЗДАНИЯХ:
ОСНОВНОЕ, МОСКОВСКОЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЕ

КРОКОДИЛ

№ 26

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП (б) „ПРАВДА“

ЦЕНА 15 КОП.

ДЕСЯТЫЙ ГОД
ИЗДАНИЯ
СЕНТЯБРЬ 1931
МОСКВА

М. Черемных

Московский электро-
завод провел озеленение
цехов, превращающее за-
вод в цветущий сад.

ИНТУРИСТ (переводчику): — Безобразие! Советское правитель-
ство обещало не вести пропаганды против капитализма... А это что?!

ПРИСУТСТВУЮЩЕГО можно узнать сразу. Он обычно толчется среди строителей социализма и спрашивает:

— Ну, как дела? Строите? Ну, ладно. Очень хорошо.

Иногда даже и сам помогает, как рыжий в цирке. Тянет за фалды, пугается под ногами, отвлекает суетней. Делает вид, что строит, но, по советски сказать, только присутствует.

По характеру своего присутствия все присутствующие разделяются на туристов, слизняков, козлов и пугаев. Начнем с туристов.

Простейший вид туристов—летуны.

Устройство летуна незамысловатое. Ноги, как у кузнечика, лапки длинные, глаза завидущие, шкурка толстая, аппетит неугасимый. Словом все, что им полагается, летуны, как саранча, набрасываются на новое предприятие.

Высшая разновидность летунов — туристы. Эти — квалифицированные специалисты и «незаменимые» ответ-работнички. Они еще более прожорливы, чем простые летуны, но искренне полагают, что жрут для общего блага, а не для одной утробы. В поисках наилучшей жратвы постоянно передвигаются с места на место.

Япония с молчаливого согласия Лиги наций оккупировала Манчжурию, под предлогом якобы защиты интересов японских граждан.

Ю. Ганф

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Участствуют: Лица наций и японский офицер:

- Для чего вы заняли Манчжурию?..
- Ясно—для защиты японских граждан.
- Где же тут японские граждане?..
- А я что, по-вашему, не японец?!

— Смена, знаете ли, впечатлений, — объясняют они свою страсть и передвижению, — прекрасные виды на будущее, восхождение в гору, наконец — открытия...

Открытия состоят преимущественно в открытии закрытых распределителей.

— Открыл, понимаешь ли, распределитель, — хвастался один турист другому, — убиться можно! Дают сколько хочешь ивасей и горчичного масла!

— Где?! Где?! Скажи по секрету. Наши все узнали и опошлили совершенно. Кроме как краски для яиц, ничего достать нельзя.

Кстати, слово «достать» — излюбленное у туристов. «Достать» они путают с «достижением».

Кроме открытий, туристы занимаются попутно коллекционированием. Они собирают пишущие машинки, клубные радиостановки, книги, диваны, ковры, легко получают всякий казенный инвентарь.

Кочуют туристы большими группами и семейными кланами. Во главе кланов стоит аван-турист, передовой, так сказать, зачинатель, патриарх. Куда он,—туда и вся братия. Когда аван-турист грузнет и делается тяжел на подъемные, то группа пристраивается к новому предводителю.

Постоянное передвижение, встреча с туземцами, смелые охоты на склады, собрание коллекций развивают у туристов чувство отваги и наглости.

Всякие препятствия, вроде «закон», «смета», «виза», «лимит», «устав», туристы берут легко и безболезненно. Они знают обходы, подходы, подковы, спуски и прочие трюки. Турист может ринуться в любую пропасть — с ним бумажка, друг любезный, да и не одна, — и бланки и печать!

Действие скопом приучает туристов к общественным навыкам: все они отлично играют в преферанс и знают все марки вина. При встрече друг с другом туристы весьма любезны:

— Ну, как, устроились?

— Благодарю вас,—ничего. Но думаю перебраться поближе к морю. Морской воздух необходим Женечке...

Устроение на новом месте происходит у туриста до тех пор, пока не наступает время работать, давать продукцию. Тут турист впадает в задумчивость, подымает склоку или визг, и сматывается на новое место, заметая подозрительные следы своего пребывания.

При всем том турист постоянно считает себя обиженным, а главное — необычайным дельцом! Многие верят:

— Ох, и орел парень! Где только не работал! Дали бы ему развернуться, а то опять перебрасывают.

Орел так и не разворачивается. Он только парит да выскидывает добычу.

Так, перелетая с места на место, турист не хуже летуна, только присутствует при строительстве, давая продукции столько же, сколько козел — простокваши.

Прямой противоположностью туристам могут служить слизняки. О них — в следующий раз.

Б. Самсонов.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ Лиги махинаций стремительно влетел в кабинет дяди Сама и не здороваясь, выпалил:

— Дядюшка, спасайте!

Дядя Сам вопросительно переложил трубку на левую сторону

— Война ведь. Самая настоящая: Япония оккупировала Южную Манчжурию!

И тут дядя Сам впервые изрек свое премудрое, веское, авторитетное: — Недоумеваю.

— Чего же тут недоумевать, — возновался представитель Лиги махинаций, — просто как в Мексике... то-есть, простите, я хотел сказать, что Япония грабит Китай.

— А вы говорите — война, — недовольно процедил сквозь гнилые зубы дядя Сам.

— Как же не война, когда японская армия бомбардировала Мукден, разоружила китайские войска, хозяйничает как завоевательница в чужой стране?!

— Недоумеваю.

— По какому же поводу вы, чорт возьми, недоумеваете?

Дядя Сам докурил трубку, аккуратно вытряхнул пепел и спокойно разъяснил:

— Война — это когда пакт Келлога нарушен, а тут «Пакт Келлога не нарушен».

Даже такая прожженная бестия, как представитель Лиги махинаций, стыдливо опустил жуликоватые глазки, потом поднял их на карту, грустно посмотрел почему-то на южно-американские республики и, наконец, робко возразил:

— Но ведь там уже сотни убитых и раненых...

— Пакт Келлога, — хладнокровно продолжал разъяснять дядя Сам, — исключает войну как средство национальной политики. Другое дело — самозащита...

— Вот-вот, в том-то и дело, что мы, то-есть Лига махинаций, хотим защитить наши кровные интересы в Китае. Помилуйте, японский капитал еще до оккупации вытеснил европейский из Китая, а теперь совсем каюк будет, если мы не включимся в граб... то-есть в манчжурский вопрос.

— Да-с, положение вызывает недоумение.

— Послушайте, вы издеваетесь надо мной, над всей Европой! — потерял представитель Лиги махинаций весь свой дипломатический лоск. — Япония хочет превратить Китай в свою полуконию, а с нами этот раз... раз... — я хочу сказать раздел — не согласован, не увязан. И вы в такой, можно сказать исторический момент недоумеваете?! Необходимо немедленно принять самые энергичные меры, вы меня понимаете. — энергичные меры, чтобы прекратить это возмутительное насилие над несчастным китайским народом.

— Недоумеваю.

— Опять недоумеваете?! Да что вам еще непонятно?

— А кто же будет защищать интересы японцев в Китае? Японцы, ведь, имеют на это право.

Представитель Лиги махинаций совсем рассвирепел:

— Захват территории чужой страны, присвоение железных дорог, — это, по-вашему, самозащита?

Дядя Сам возвел очи к небесам, тяжело вздохнул и проникновенно прошептал:

— Мы обязаны защищать жизнь и имущество граждан.

— Так мы же именно этого хотим! Вместе с японцами хотим защищать.

Он оглянулся на дверь и как бы про себя буркнул:

— И мы и вы не потеряем на этом...

— Нет, — вздохнул дядя Сам, — мы можем только сожалеть о случившемся в Манчжурии.

И чтобы хоть немного успокоить ярко выраженное на лице представителя Лиги махинаций возмущение, он твердо добавил:

— Глубоко сожалеть.

— Что я должен передать от вас Лиге? — перешел представитель на официальный тон.

— Самое благородное и соответствующее духу пакта Келлога — это

дружески посоветовать Японии эвакуировать войска из Мукдена, но, — строго поднял он палец, — «поскольку это не будет угрожать жизни и имуществу граждан обеих сторон».

Представитель Лиги махинаций нагнул цилиндр на самый нос и, всей своей фигурой выражая протест и возмущение, вышел из кабинета.

Приоткрылась дверь в соседнюю комнату. В кабинет проскользнула маленькая вежливая фигурка.

Дядя Сам строго посмотрел на нее и твердо отчеканил:

— Попалам?

— Попалам, — весело согласилась фигурка.

★

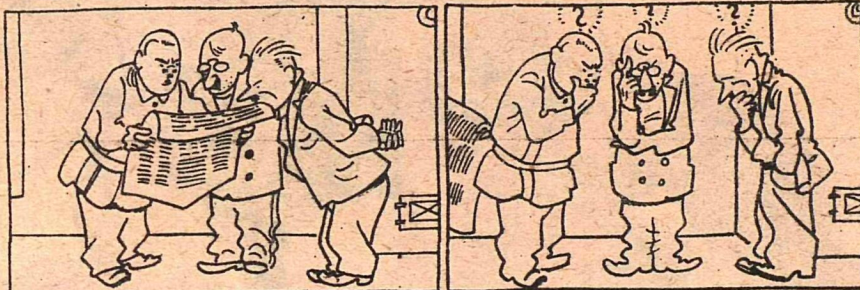
За окном цвел пакт Келлога. Китайцы, мексиканцы, негры и прочие народы в радостных песнях прославляли благодать дяди Сама. Было весело и чудно, как всегда бывает во время кризиса и перед войной.

Л. Думский.

И ЕЩЕ О ЛАРЧИКЕ, КОТОРЫЙ ОТКРЫВАЕТСЯ ПРОСТО

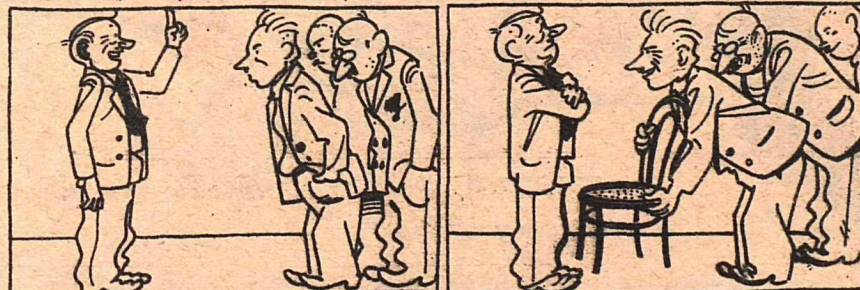
Проверка колдоговоров в ряде мест подвигается весьма туго. А между тем в колдоговорах часто имеются неиспользованные ассигнования на улучшение культурных и бытовых условий.

Ю. Ганф

1. Жилища? Бани?? Школы??? Кухни????
Хоть головой о стенку лупим!
Что тут придумать? Как тут быть?
Где можно средства раздобыть?

2. Мозги трещат. Мозги, как тесто.
Мозги плавут... Вопрос — ни с места.
Хоть из Цейбиза визави
Изобретателя зови!

3. Пришел на зов изобретатель
Дружище! Батенька! Приятель!
У вас, быть может, способ есть
Тысячекон доести избобреть?

4. И культ- и быт- и мил-предметы
Скандально выпали из сметы!..
Изобретатель сморщил нос
И важно молвил: — Хорошо-с!

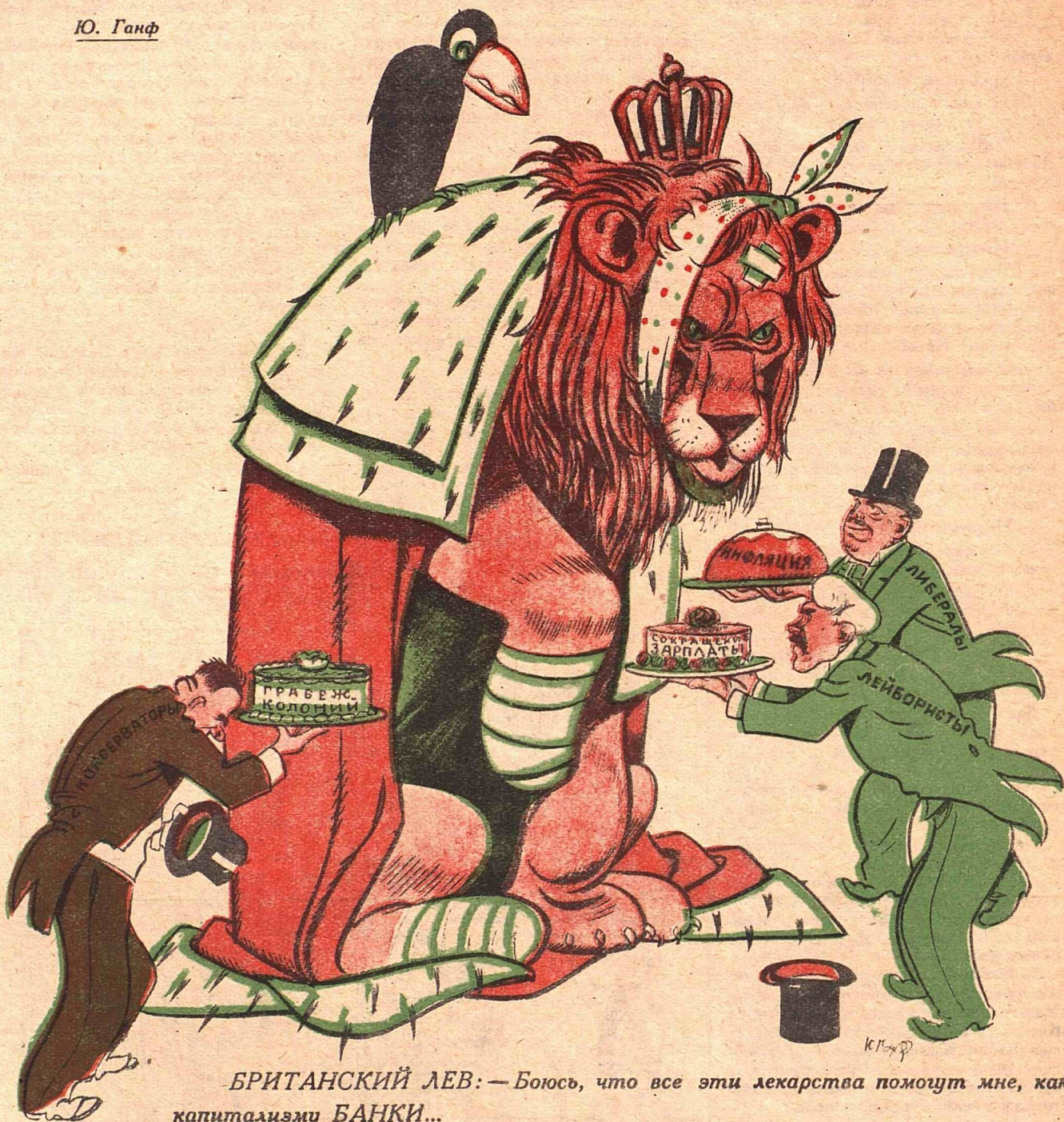
5. И час сидел изобретатель.
И два сидел изобретатель.
И три сидел. И пять. И шесть.
И, наконец, воскликнул: Есть!

6. Извольте. Деньги, как в кармане.
Жилища? Кухни? Школы? Бани?
Все это граждане, давно
В колдоговоры включено.

ПРИМЕЧАНИЕ «КРОКОДИЛА»

Изобретатель bravo! Почет тебе и честь!
Ты первый догадался КОЛДОГОВОР ПРОЧЕСТЬ.

Ю. Ганф

БРИТАНСКИЙ ЛЕВ: — Боюсь, что все эти лекарства помогут мне, как капитализму БАНКИ...

П Р Е Н И Я Ш А Х Т Е Р А П Е Т Р О В А

ПЕТРОВ — шахтер. В мозгу Петрова —
Туман. Волынка. Станный зуд:
Там два оратора сурово
День целый прения ведут.
Один — герой. Другой — попроче:
Отец семейства. Честный муж.
Ему бы было мясо во щи,
И одежка на шесть душ.
О черном золоте Донбасса
Один восторженно поет.
И у другого песен масса:
Семья... Избенка... Огород...
В лесах подземных укреплений
Породу рвет шахтер Петров.
В его уме жарчайших прений

Вид приблизительно таков:
— Держи, Петров, шахтера званье...
Свой труд подземный уважай!..
— Шлет писмецо жена Маланья:
«В колхозе делают урожай!»
— Топливных планов выполнение —
Вопрос первейший в наши дни...
— Жучки сидят в колхозуправлении:
Не подкузили б чем они!..
— Стране советов уголь нужен,
В работе шахты день и ночь..
— Отец жены с бутылкой дружен
И защищать не будет дочь!
— Дроби, ударник, недра шахты...
Корми завод и паровоз!..
— С дележкой этой, прямо, — ах ты!..

Не миновать катить в колхоз!..
— Текучесть кадров, как короста, —
Ее похерить и изжить!..
— Обделят бабу очень просто...
Обделят, что и говорить...
Облупят милую, как *репку...
Потом свисти, как рак весь год!..

★

Петров порты, рубаху, кепку
В мешок, с ругательством, сует.
Наш парень сдрейфил, без сомненья.
Но здесь и то имеет вес:
Что не всегда колхозуправленья
Блюдут шахтерский интерес.

М. Андриевская.

ПЕРВЫЙ ЗА ГОД

МЕМФИС-СТРИТ — центральная улица английского захолустья. На Мемфис-стрит веет удивительной тишиной от пышных магазинов и пышным кризисом от удивительной тишины.

И вдруг на Мемфис-стрит вспыхивает оживление. Диковинно выглядит суета из огромного зеркального стекла витрины. За витриной два ярких глаза с серебристыми веками и лакированные уши крыльев «Роллс-Ройс». Перед витриной — толпа жадно заглядывает внутрь. В магазине покупатель!

В толпе недоумение. В толпе возгласы восторга и удивления:

— Неужели?

Престарелая дама в мантилье стягивает под отвислой челюстью муаровую ленту капора.

— Господи, неужели?

Рядом с дамой запрыгал огромный кадык, перевалившийся за край просторного шерстяного кашне.

— Представьте, покупает...

— Первый покупатель за год на Мемфис-стрит!

Толпа шарахнулась, в нее ворвался ураган в клетчатых брюках и мягкой панаме:

— Леди и джентльмены! Что здесь такое? Кто покупает? Где покупают? Почему покупают? Что покупа-а...?

— Кто? Игрок «Дерби»?

— Местный финансовый туз?

— С жиру забесившийся буржуа?

— Непревзойденный оригинал?

— Нет, это удивительно, — восторгаются клетчатые брюки. — Конец кризису! Снова процветание! Ура-а!

Спина покупателя сгибается, и руки уходят в мотор. Туз знает цену своим стерлягкам и долго копошится в металлическом сердце машины, проверяя крепость каждого его сосуда.

Приказчик тоже знает блестящие достоинства мировой марки. На лице его застыла служебная улыбка, предвкусная барыши. Только руки, поддерживающие крышки мотора, слегка дрожат, выдавая волнение. Нет, «Роллс-Ройс» испытывает страх не от рук, проверяющих добротность его механизмов, а только от кризиса.

Покупатель небрежно щелкает по крышке и, кивнув головой, направляется к выходу.

Служебная улыбка сбегает с лица приказчика со скоростью, которую в состоянии развить лишь отвергнутый «Роллс-Ройс».

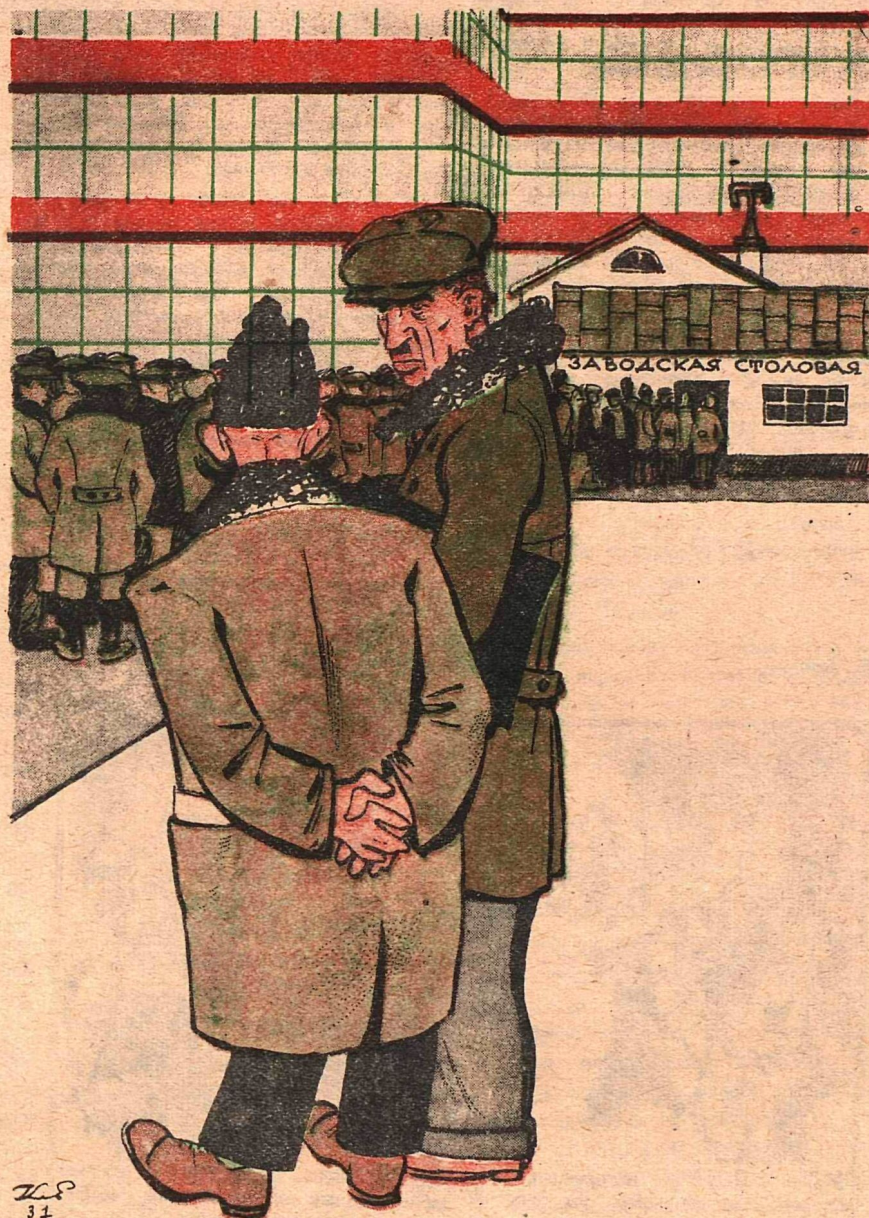
Сделка не состоялась.

Толпа расступается. Клетчатые брюки робко снимают панаму:

— Извините меня, сэр. Я — сотрудник «Ивинг Пост»...

Целый ряд профсоюзных и хозяйственных органов еще до сих пор не считает необходимым вплотную заняться общественным питанием, полагая, что это дело третьестепенное.

К. Елизеев

28
31

ПРЕДЗАВКОМА (директору): — Ну, что поделаешь с таким народом! Но заводе прорыв, а они теряют драгоценное время в очередях..

Из клетчатых брюк уже выужен блокнот:

— Не скажете ли мне...

Джентльмен отрицательным кивком головы отказывается от интервью.

Но репортер знает свое дело. Он петушком бежит вперед:

— Простите, сэр, одну только минуточку. Один миг. Как вы находите наши «Роллс-Ройс»?

— Та на якого ж биса вони мині, коли скоро у Нижнім-Новгороді свої будуть! — неожиданно выпаливает джентльмен.

Кто он, этот покупатель, на которого возлагает столько надежд Мемфис-стрит?

Он — ударник завода «Красная Роза», Петр Охрименко. Премирован поездкой за границу. Петру Охрименко не нужен Роллс-Ройс. Но он интересуется иностранной техникой, и зашел на Мемфис-стрит познакомиться с качеством английских авто... Он ушел. Толпа медленно расходится, и торговые ряды снова застывают в безмолвной тишине.

П. Лин. 5

ОМОЛОЖЕННЫЙ ГОРОД

В рай готов расписать,
Перрон Краснодара...

В. Маяковский.

СТАРОЖИЛЫ водятся в каждом провинциальном городе. Они неизбежны, как клопы в гостинице, и так же неистребимы.

Обычно старожил — это деликатный социально чуждый старичок с несвежей ватой в ушах. Строго и постоно поджатые губы его напоминают мокрец. Он криклив и придирчив. Он ведет сладострастный учет ливням и снегопадам, ураганам и эпидемиям. Он знает историю каждой могилы на городском кладбище. Он бережно хранит в памяти рассказы из жизни знаменитых обжор, пьяниц и ловеласов. Пыльные извилины его мозга похожи на комод салонницы — они до краев наполнены нестрой дрянью, пропахшей отвратительным нафталином десятилетий.

Любимый герой рассказов старожилы — какой-нибудь легендарный присяжный поверенный Мандрыко-Мандрыковский. Это — Цицерон, Спиноза, Соловей-разбойник и Марфа-посадица в одном лице. Стержневую легенду о том, как великодушный Мандрыко выпил на пари в дворянском собрании три бутылки шампанского, после чего подрался с Шалапиным, — потрясенный старожил рассказывает со слезами на глазах.

В городах вырастают тракторострой, электростанции, новые заводы и фабрики. В грохоте индустриальной стройки гибнет безвозвратно сонная провинциальная тишь. Городскую популярность люди завоевывают теперь не вместительным желудком и луженой глоткой, а ударным трудом на заводе у своего станка.

Но старожил не сдаётся. Попрежнему в его рассказах цветет неуважда-

емое имя Мандрыко-Мандрыковского. Горькая ирония кривит неопрятные старожилы губы, когда он, греясь на солнышке, вспоминает прошлое:

— Посерел город. Были люди в наше время!..

Краснодар стал районным городом. Бывшая казачья «столица», торговавшая при царе хлебом, салом, чинами и медалями, центр южной белоохранительницы, разжалована в «рядовые». Старожилы оплакивают родной город.

— Пропал город. Посерел городок. Э-эх, дела-делишки!..

А я брожу по Краснодару и ни одной морщинки не могу найти на румяных щеках города, омоложенного индустриализацией. На улицах не видно усатых и бородатых лиц. Сплошной поток юности веселым конвейером бушует на улицах Краснодара. В учебниках социальной и экономической географии Краснодар называют фабрикой кадров. За два года здесь открылось 7 вузов и больше 10 техникумов. Будущие колхозные агрономы, ученые свиноводы, инженеры, врачи, завоевав старинные особенности, омолодили город. Я пытаюсь спорить со старожилками.

— Я не согласен с вами, что Краснодар посерел. Напротив, он свеж, как никогда. Довоенный Екатеринбург, я уверю, выглядел гораздо захолустнее.

От возмущения уши старожилы становятся лиловыми.

— Не святотатствуйте! Да вы знаете, сколько ресторанов было в Екатериноде в довоенное время? — 10 штук! Бывало соберешься с покойным Мандрыко-Мандрыковским, присяжным поверенным...

— А сколько университетов было в Екатериноде в довоенное время?

— Университетов? — старожил ерзает по скамейке, — не помню.

— Не помните? Не запомнили? Я вам напомню. Ни одного университета не было в Екатериноде в довоенное время. А сейчас вузов и техникумов в Краснодаре около 20. Краснодар становится советским Гейдельбергом. Кроме того, у вас новая электростанция, мясохладобойный комбинат, строится большой чугунолитейный завод. А вы говорите — посерел. Не Краснодар посерел, а вы посерели.

Старожил гневно отворачивается. Мимо бегут девушки в майках. Старожил косится на них свирепо. Вдали у паперти огромного торгового собора, превращенного в научно-популярный музей, стоит городской сумасшедший Лукаша, бывший дворянин и человек. Он пьян и несчастен. Он вообразил себя памятником Пушкину. Слегка склонив тяжелую лохматую голову, скрестив на груди фиолетовые склеротические руки, Лукаша тихо говорит прохожим:

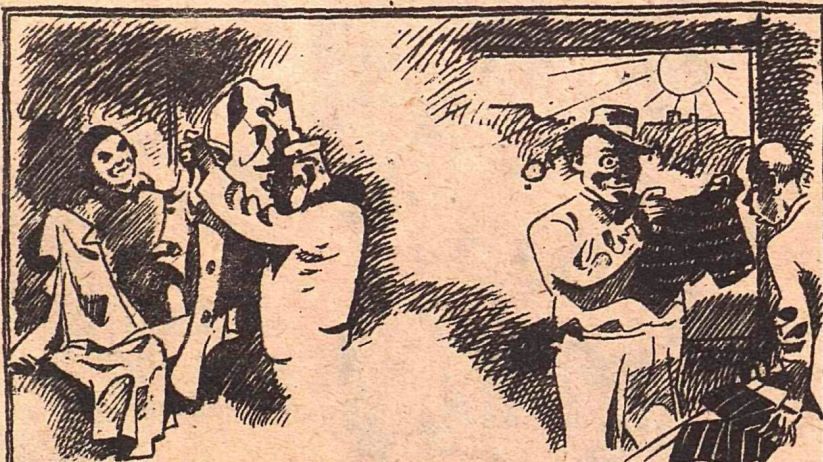
— Я есть Пушкин. Воззри, идуший!

Старожил встречается глазами с Лукашей и изысканно снимает шляпу в ответ на приветствие бедного «Пушкина».

КТО ЧЕМ ЗАПАСАЕТСЯ К ОТПУСКУ

Отпуска в учреждениях распределяются в течение круглого года.

К. Ротов

УПРАВДЕЛ покупает, не смотря ни на что, кашоши и драповое пальто.

ЗАВ, пряча усмешку в седые усы, весьма старательно избирает трусы.

СЕКРЕТАРША, учитывая хмурый горизонт, запасает, не долю думая, зонты.

А вот, например, **УБОРЩИЦА**, Зина идет с лыжами из спорт-магазина.

Эти выводы сделаны на точном знании, и в них мы не сделаем ни малейшей уступки:
Ибо бытие человека определяет сознание, а сезоны отпусков — покупки.

Леонид Ленч.

Краснодар.

МАЛЕНЬКАЯ, ску-
пая заметочка в не-
сколько спрессован-
ных строк помещена о
Балаклаве в Большой со-
ветской энциклопедии.

В эту заметочку едва
уместилась кефаль, вы-
лавливаемая балаклавски-
ми рыбаками. За бор-
том остались скумбрия,
камбала, бычки, комса,
пагода, макрель, кон-
сервный завод, город, го-
ре-трамвайная одноколей-
ка из Севастополя...

... В те давние времена, когда гео-
графы собирали материал для Большой
энциклопедии, может быть, и было у
города Балаклавы с Севастополем,
кроме трамвайного, еще и парходное
сообщение.

Сейчас судно с трубой — редкий
гость в Балаклаве. Пароход заходит
сюда впопыхах, когда ветер свистит,
как боцман, море становится похожим
на разрытую мостовую, а с неба мок-
рым тряпьем свисают тучи. Пароход
заходит в залив, как в глухую гости-
ницу на горном перевале. На рассве-
те, когда под солнцем все лоснится,
он уходит в море, притихшее, как за-
лив.

А в заливе происходят дела, кото-
рым в нашей энциклопедии можно бы-
ло посвятить еще десяток, другой
строк. Хотя бы от этого пострадало
достоверное описание древней Гре-
ции.

Суть совсем не в том, что, как со-
общает энциклопедия, «Балаклава
пользуется репутацией хорошего ку-
рорта и климатической станции».

На южном побережье, за Байдара-
ми, там, где Ласточкины гнезда, ци-
кады, Кикинеизы и Ореанды — приро-
да гостеприимна, как пансион. А в
Балаклаве и зелени-то, как перьев на
обшипанной курице.

Суть и не в роковых скалах и ге-
нуэзских башнях, которые с веками
превратились в общественные убор-
ные. Все это вдоль и поперек исписа-
но рукою пошлости. А совсем недав-
но присвжий инженер начертал на
отвесе с риском для жизни свою фа-
милию. Это был и его последний
эпитаф. На дне обрыва нашли лишь
мешок с костями.

Суть и не в легендарном «Черном
Принце». Во-первых, потому, что ни-
какой он не был черный. Просто на-
зывался «Принцем». Разбился о ба-
лаклавскую кручу и затонул без зо-
лота, которое по точным документаль-
ным данным благополучно осталось в
Константинополе.

Все это, конечно, скучнее, чем ле-
генда, но уж зато — правда.

И местные экскурсоводы, которые
так любят удивлять терпеливых слу-
шателей, печально обходят пропав-
шую легенду об английском корабле

Фельетон-корреспонденция **А. Митницкого**

Рисунки **А. Генча**

и жуют, как красный бетель, свою за-
ученную жвачку:

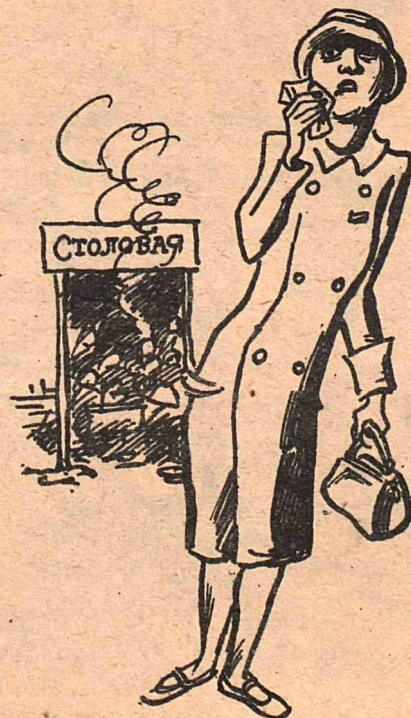
— Вот перед нами море. «О море,
море!» — как сказал поэт. Как вы ду-
маете, почему оно черное и какая в нем
глубина, ширина и длина? Кто из вас
также видел дельфина? Все видели?
Ага, очень приятно. Теперь погово-
рим о виноградниках...

Нет, суть Балаклавы совсем в дру-
гом, в том, что она теперь районный
город, в том, что к асфальтовому об-
шлагоу берега причалены не прежние
веселые единички, разные там
«Паллады», «Павлы», «Вегги» и «Оль-
ги», а колхозные моторки: «Сталин»,
«Заря коммуны», «Краснознаменец».

Десять ударных рыбацких бригад
прикреплены к моторкам. Почти все
рыбаки — греки. Все, без исключе-
ния, — Коти, Вани и Юры. Все много
и бескорыстно поют. Выпивают поне-
много. Выпив, поют еще больше.

Балаклава — маленькая. Вся она
заселена рыбаками. О ней можно ска-
зать, как рыбаки говорят о рыбешке:

— Хвост есть? Есть. Голова есть?
Есть. Значит — рыба!

*Женщина-врач — по слабости по-
ла — не в силах переступить порога
столовой...*

— В Балаклаве три
улицы есть? Есть. Рай-
ком, профсовет, клуб и
парикмахерская есть?
Есть. И почта? Есть!
Значит — город!

Если в этом городе ла-
ет одна собачка, то ей
вторит эхо со всех гор,
ее слышит весь город.

Если играет на попла-
ке гармонь, то весь город
может танцовать. Если
гармонисту не спится, то
он не даст заснуть всему

городу.

И если на горе отважный охотник
палит в перепелок, то внизу, на набе-
режной имени тов. Назукина, весь го-
род может подсчитывать добычу.

Чем еще заниматься на досуге?

Культработой, вернее волейболом,
охвачено всего лишь несколько смуг-
лых спортсменов. Насчет радио — мол-
чок!

В гортеатре раз в квартал устраи-
ваются концерты каких-нибудь заез-
жих неизвестностей, вроде Бжеской и
Пика Чуткого.

Библиотеку-читальню открывают как
раз перед ее закрытием. В кооплавке
очередь за фруктами, и без всякой оче-
реди выдают вино. По вечерам гуляют
и калякают на набережной. До ночи
дует бриз. В полночь по Балаклаве
скрипят колеса густо пахнувшего зо-
лотого обоза.

А в полдень, когда на обед открыва-
ется коммерческая столовая рабко-
опа, — те же запахи доносятся оттуда.

Поборов приступ тошноты, люди за-
ходят в помещение; их окружают
длиннохвостые коты, которые тут же
после них будут вылизывать из та-
релки остатки супа и рыбы, то ли ту-
шеной, то ли протухшей.

В столовой постановка дела прямо-
линейная. Зачем мыть посуду, если ее
опять загрязнят и опять ее потом при-
дется мыть, опять загрязнят и...

...Женщина-врач, которой пору-
чен санназор, — по слабости пола —
не в силах переступить порог этого
благоуханного уголка антиобществен-
ного питания.

А колхозник-рыбак берет с доньш-
ка лодки остатки улова, проходит,
сплевывая, мимо столовой и идет к
себе домой. Там ему варят в казан-
ке одиночную уху...

... Сипит гудок консервного завода.
Хороший завод, расширенный, усовер-
шенствованный. Одной мелочи не пре-
дусмотрели — рефрижератора.

И подгнивает понемножку рыба в
очереди за консервированием.

Ничего. Рыбаки горды и тем, что
есть у них в Балаклаве.

— А что у вас там в Москве? Рыбу
вы не ловите!.. **А. Митницкий.**

Кружку рабочих-сатириков при «Крокодиле» посвящается.

ПЫЛАЮТ дни, как в доме жаркой,
И час—как день, и день—как год.
Сметая церкви и хибарки,
Растут дома, встает завод.
И тот, кто месяц дома не был,
Вернувшись, долго трет глаза:
Здесь — новый дом глядится в небо,
А там — бульваром стал базар.
И там, где кляч пугая сонных
Булыжник корчился ребром, —
Автобус желтый, как подсолнух,
Упругий пробует гудрон.
«Сегодня» — убегает в «завтра»,
Далеким сделалось «вчера»...
И злобу дня не может автор
Поймать на острие пера.
Напор и темп сильнее прачек
Стирают прошлого типаж:
Нэпач, «братишка» и растратчик
Ушли, расплылись, как мираж.
Сидеть три года над романом
Нельзя: герой — не сидят.
Вчерашний тип — звучит обманом,
Вчерашний день — зовет назад.
Нет слов,—писать сейчас не просто,—
Везде движенье, всюду рост,
И лишь поняв законы роста,
В грядущий день мы кинем мост.
А тот, кто вдаль глядеть не может
Упорно, четко и остро,
Кто полон прошлым,—пусть отложит
Свое ненужное перо.

Вас. Лебедев-Кумач.

ПОЛЬСКИЙ ЖАН-ДАРМ:

— Какой же вам еще, пся крев, родины захотелось!!

„КРОКОДИЛ“ ПРИНИМАЕТ ШЕФСТВО НАД „СОКОЛОМ“

ЖУРНАЛ
КРОКОДИЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„Слет ударников „Сокола“ просит редакцию „Крокодила“ взять шефство над фабрикой. С своей стороны ударники обязуются давать „Крокодилу“ хорошую бумагу, своевременно и в нужном количестве.“
Президиум слета.

Приветствую вас, друзья!
И велика, конечно, честь
Быть шефом фабрики
бумажной!
Я шефство с радостью беру

ПРИЯТНА мне такая
И велика, конечно, честь
Быть шефом фабрики
бумажной!
Я шефство с радостью беру

И, поручив его перу,
Иду на фабрику отважно!
Наш договор в борьбе,
в труде —
Не вилой писан на воде:

Для вил нужнее мне бумага!
И пусть с бумагой поезда
Докажут, что у вас звезда
Горит под шелестами флага!

„Крокодил“

ЛЮБВИ все возрасты покорны. От 18 до 25 лет в особенности.

Терешке шел двадцать третий. Терешка задумал жениться.

— Любку беру, — откровенничал он с соседом по станку, прожженным реальной действительностью Луканом.

— Ничего! — хмыкал Лукан. — Хороша девица! Только я бы Польку взял.

— Выдвинул! Ни кожи ни рожи! — Зато при буфете работает. Заиспелешься закусками.

— Откуда! Воровство нынче не поощряется. Полька тоже отчитаться должна.

— И отчитается. Никакого тут воровства, а исключительный навык рук. Полагается батон на 8 бутербродов, а она 12 запалит. Сто бутербродов сделала — два-три батона сбалансировала в свою пользу!

— Невидадь — батон!
— Не одни батоны. Весь конвейер бери. Колбаса. Из кило по разверстке полагается 80 бутербродов, а она выпустила с превышением сто иль сто двадцать. 200 бутербродов продала, — кило колбасы в кармане. Дружески советую: женись на Польке.

В буфете ежедневно Терешка подвергалась двойной обработке. С одной стороны наседали Поля:

— А ты, Терешь, гордый. Никогда и чайку попить не придешь.

— Некогда все!
— С Любкой гуляешь, а ко мне некогда! Эх, ты!..

С другой стороны — весь внутренний терешкин мир вздыбливал Лукан:

— Обрати внимание, как нарезан сыр! — гудел он. — Кружево. Сетчатка! Мало-мало, если полкило экономии осталось!

Прихлебывал чай и замечал:
— И чай тоже мало сладкий!
— Всем по две ложки кладет! Сам видал!

— Формально правильно! Только ложку-те можно зачерпнуть по-разному. Можно верхом, можно и чуть-чуть. Будь покоен, четверть ложки от каждого стакана у Польки на плюсу.

— Реконструкция столовых и буфетов скоро будет! — оборонялся, тоскуя, Терешка.

— А какой смысл Польке реконструироваться?

— Постановление есть, и в газетах пишут.

— Улита! Лопнуть три раза от жратвы успеешь, пока до твоей низкой Польки добраться успеют!

— Завком нажмет!

— Э-а-а-вком! — оживлялся прожженный Лукан. — Обрати внимание, какие в завком бутерброды таскают. Толстенные, как кулебяка! Колбасищи на них — выше критики!

Однако Терешка крепилась. По вечерам гуляла с Любкой, а с Полькой только раскланивался. Но яд уже начинал действовать.

Соколиным взором окидывал он каждый раз буфетскую флору и фауну и соображал:

«Бутерброды с икрой! Малюсенькие, а по 35 копеек! Непременно у Польки граммов 400 икры осталось. Виноград! Порции плюгавенькие! Верных два кило у Польки!»

Последним брызгом, переполнявшим чашу терешкиных колебаний, были апельсины. Сочные, оранжево-наглые, они издавались над Терешкой из корзины.

Полька резала к чаю писчебумажные ломтики.

Терешка сдаля. Подмигнув трем, самым громадным, он шепнул:

— Угощаешь, Поля, апельсинами? Ужо вечером буду!

М. Андриевская.

Л. Генч

Администраторы Балтийской ж. д. систематически занимались припиской лишних работ. Работы на 13 паровозах ноябрьского ремонта фактически были оплачены два раза.

(Из писем рабкоров.)

О БУХГАЛТЕРИИ двойной У нас, конечно, знает каждый.

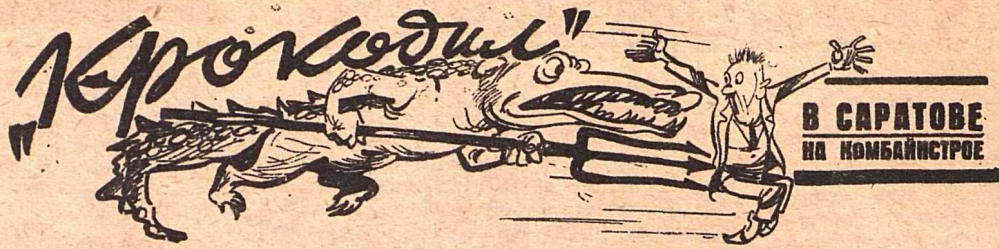
Но ты слышал, читатель мой, Чтобы при ней кассир шальной Платил по ведомости дважды? Лишь с виду странен мой вопрос. В нем есть немалая угроза. Так на Балтийской повелось: Коль там починят паровоз, То платят за два паровоза...

Н. Чупин.

На многих кооперативных опородах безобразно затянута уборка овощей.

КООПЕРАТОР (оппортунист): — Наконец-то снег повалил! Теперь уж никто не сможет сказать, что это не объективная причина!..

ПОЧЕМУ НЕ ДЕЛАЮТСЯ КОМБАЙНЫ?

СБОРЫ крокодиловы —
 В поезд сел, примчал сюда и вот —
 Увидал на берегу у Волги
 Строящийся мировой завод.
 Встал гигант, в дыму пространство спрятав,
 Грохот, визг, несущаяся кладь...
 Филадельфия или Саратов?
 Миссисипи или Волги гладь?
 В главном цехе, как в лазурном зале,
 Взятые в бетонный полукруг,
 Первенцы советские стояли:
 Новые комбайны наших рук.
 Но поближе оказалось горько:
 Это — четверть заданных программ.
 Сорван план и монтажа и сборки,
 План шрифтов, балансировки, рам.
 Получились сроки слишком долги,
 Темпы слишком медленны, — и вот
 Недостроенным стоит у Волги
 Мировой саратовский завод.
 Чтoб раскрыть его прорыва тайны,
 Созданный распутать узелок,
 Я врагов советского комбайна
 На свои страницы приволок.
 «Крокодил».

«КРОКОДИЛ» пришел в Саратовский комбайнстрой рано утром. В сборочном цехе не работали. Несколько сот человек раздосадованно стояли у станков, запустив руки в затылки.

— Выймите, ребята, руки из затылков, — укоризненно сказал «Крокодил», — им там нечего делать. К 1 января 1932 года вы должны выпустить 200 комбайнов.

— Мы только 2 собрали, — прохрипел бригадир Сарков голосом сплывшим и трезвенникам несвойственным.

— Так что же вы не возьметесь за дело?

— А у нас нет чертежей. Отсутствуют 55 чертежей по молотилке и 4 по хедеру. Архивный отдел их не дает.

«Крокодил» пошел на второй участок сборки. Там слесари высокой квалификации гоняли станки на холостом ходу по причине отсутствия деталей. Некоторые пели своеобразную песенку:

Месяцами, месяцами нам деталей не дают.

Нам бумажки, циркуляры, отношения суют.

Где же вы, детали, где же ты, детальна?

Не читали мастера последней речи Сталина.

— Вина тут начальника инструментального цеха Ершова, — объяснили «Крокодилу» рабочие, — он не дает нам ни шаблонов по железу, ни по жести, ни обжимок, ни скоб, ни калибров, ни болтов...

Во время работы у заводского ларька растянулась шипящей гадюкой громадная очередь. Из всех цехов удирали за продуктами. Чувствовали себя в очереди, как дома:

— А что, ребята, труддисциплина то все падает, комбайнов не делаем, — заметил в очереди.

— Вестимо, падает! — откликнулись из очереди же. — Бить этих прогульщиков, каленым их железом надо. Эй, куда лезешь без очереди?!

«Крокодил» поймал за пуговицу проходившего заместителя начальника завода тов. Бойкова.

— Ты об чем думаешь, милый? — посмотрел на его бок «Крокодил». — Нешто при такой труддисциплине и бесплановости завод пойдет?

— А кто говорит, что пойдет? — обиделся Бойков. — Я не говорю, что пойдет. При таких объективных причинах не может он пойти. У нас самые лучшие и выдержанные объективные причины.

Прицел в бок был выбран правильно. Вилы со свистом прорезали воздух. КрайКК должна тоже заинтересоваться этими боками.

ВИЛЫ В БОК

СЕГУНОВ В ВАННЕ

Послали человечка в Запорожье протолкать вопрос о деталях. Фамилия человечка — Сегунов Иван Иванович. Вопросы Иван Иванович не протолкал, но авансовый отчет о командировке привез. В числе своих расходов сей муж поставил в отчете: «За ванну в гостинице — 22 рубля». Счет ему оплатили.

Теперь мы не решаемся даже пригрозить, что намылим ему шею. А вдруг по привычке представит счет: «За намыливание шеи — 44 рубля». И ему оплатят?

НИ ОДНОЙ СВЕТОЙ ТОЧКИ

Темпы монтажа электрооборудования — анекдотические. 50 световых точек устанавливаются в течении 42 дней, между тем как вполне достаточно 5 дней. Когда мы спросили о причинах ведающего этими делами Федюшкина, он с раздражением ответил:

— Эта ваша спешка с темпами не приведет к добру.

Его лютая вина, между прочим, в том, что по халатности надзора систематически исчезает важный инструмент.

«Не приведет к добру» или «не приведет к допру»?

ЩЕДРОСТЬ И МУДРОСТЬ ВМЕСТЕ

О необходимости усилить культуру и агитацию за промфинплан очень много говорят и еще больше пишут. Даже кое-что делают.

ЗАВОДСКОЙ ЧИТАЛЬНЕ

Культром определяет вашу месячную смету в 1 р. 85 к. На журналы и газеты вы можете тратить 50 процентов, на плакаты — 30 процентов.

Эта щедрая смета, конечно, даст невиданный толчок культурной работе. Но почему в документе ничего не говорится о сдаче? И как это у них из голы вылетело?

Комсомольцы ведут широкую кампанию против курения, хотя есть дела поважнее. Например, валяются под открытым небом колеса и маховики на много тысяч рублей.

А. Топиков

— Странные порядки... Окурки бросать нельзя, а машины можно.

КРОКОДИЛУ НА ЗАКУСКУ

★ Текучесть пагубно отражается на строительных работах Комбайн-строя. За последний месяц прибыло 529 человек, а убыло 435. О перестройке системы зарплаты вот уже четыре месяца как говорят, но дальше докладов дело не идет.

Причина, очевидно, в том, что текучесть — не только на стройке, но и в докладах.

★ В механическом цехе рабочий фактически из 8 часов работает только 5. Остальное время уходит на простои, хождение и т. д.

Запомните, администраторы: где вместо 8 часов — 5, там вместо 5 лет — 8.

★ Качество снабжения попрежнему отвратительное. В столовую завода кооператоры привозят совершенно сырой хлеб, рабочие отказываются его есть. Участь «Крокодила» еще горше: на закуску ему попадает всякая дрянь. Например, эти же кооператоры.

★ Техник Иванцов приказал рабочим чистить станки... крапивой. Откуда самодур взял эту новость техники — неизвестно, но рабочие ходят с обожженными пальцами.

Администрация, может быть, откликнется на наш призыв: сорную траву — с поля вон!

★ Построечный комитет участка № 4 интересуется не столько ликвидацией огромного прорыва на участке, сколько... арбузами. Сам председатель Боровинский распределяет их, любовно сортируя, и заявляет: «Чувствую себя, как в огороде».

Какой же это пред в огороде? Это просто чучело.

★ В ремонтно-инструментальном цехе сплошь и рядом рабочие 8-го разряда получают работу 4-го разряда.

Зато головотяпство — перворазрядное.

★ Начали изживать уравниловку в ремонтно-инструментальном цехе. Высокоразрядным рабочим за обработку деталей стали делать накидку... в несколько копеек.

Цена такой борьбе за несколько копеек — третий грош.

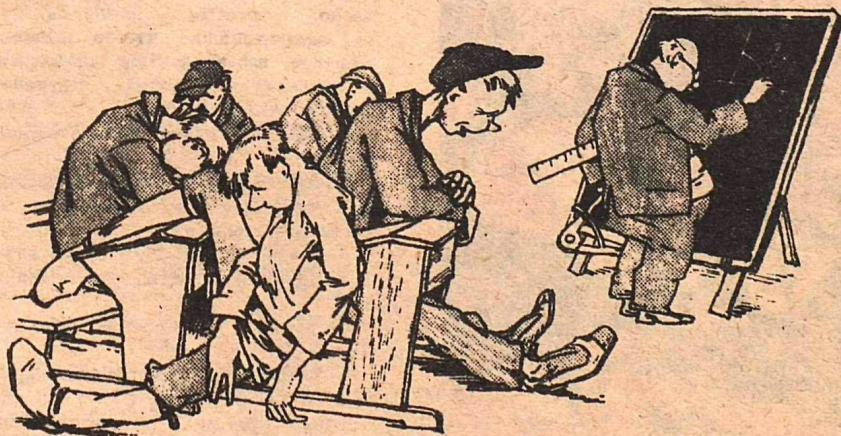
★ Неожиданно обнаружилась на электромонтаже нехватка копеечных деревянных кружочков, подкладываемых под штепселя. «Товарный голод», — уверяет администрация, — «объективные условия», чуть ли не «овес-то ноне почем?» Вероятно, командируют работника за кружочками в Амстердам и Сан-Франциско.

★ Самые крепкие слова отпускают рабочие по адресу местной бани. Собственно, баня ничего себе, но мыться никакой возможности нет: шаек нет. Полтора года идут споры о том, кто должен дать шаек.

К сведению РКИ: в легких головомойках можно обойтись и без этой посуды.

На курсы по переквалификации столяров многие приходят полными. Успеваемость чрезвычайно низкая, на настоящие кадры столяров надежд нет.

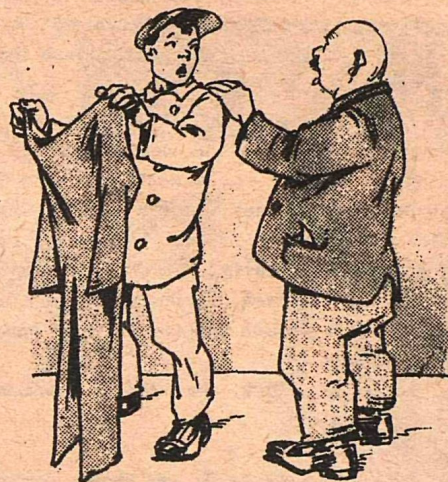
А. Топиков

— Вот, товарищи, здесь угол в девяносто градусов.
— Девяносто? И живут же люди!..

На Саратовском комбайнстрое выдана спецодежда без пуговиц и без нужных прорезов.

А. Топиков

— А где же прорезы?
— Успокойтесь: нельзя же сразу, — прорезы будем выдавать дополнительно.

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

СВОЯ РУКА

Заведующий техникой безопасности устроил на работу четырех кулацких сынков лиценцев, которые ведут яростную агитацию: «не нужны нам эти темпы».

Когда в завкоме засыпают, чтоб проспать раз во век, Любая дрянь на стройку налипает — Любой враждебный человек.

ПО КРЫЛОВУ

Прогулы увеличились на заводе с 3 процентов до 6. Вместо решительных мер против пьяниц — тысячи мелких добродушных выговоров.

Завком, видать, боится боя, Он рассуждает, а не бьет, Завком бумажки сыплет роem, А Васька слушает да пьет.

НАЙДИТЕ ВРЕДИТЕЛЕЙ

В течение одного месяца из цехов исчезли 24 чертежа. Эти исчезновения — настоящий бич программы.

Как видно, час терпенья пробил И краткие нужны пути: Раз невозможно чертежи найти, Ищите тех, кто их угробил!

НОВАЯ ЖИЛИЩНО-ПЛЯСОВАЯ

Новостроенные рабочие дома Саркомбайнстроя имеют ряд вопиющих недостатков: нет уборных, стенки диктовое, некоторые комнаты ниже среднего роста человека. Старый быт прочно укрепился и здесь с клопами, примусами и т. д.

Я с работы прихожу, На нору свою гляжу: Какой, ребята, комик Построил этот домик? Фонд жилищный мой таков — Два аршина пять вершков, Диктовые стенки, Плач двухлестней Ленки. Нет уборных, нет полов, О жилищах много слов, А производства участь — Летунство и текучесть. Где виновники, КК? Не оставь от них клочка, Усиль за ними втрое Надзор на Комбайнстрое!

КЛЯНУСЬ, — ей-ей, писать неловко, а не писать — никак нельзя: я вижу вьвяв Кавказ, Кущевку, единственную в ней столовку, я вижу, мысляю вдале скользя.

Загнул ли шутку рок коварный, иль человек был дураком, — с лечебницей ветеринарной открыл столовую рядком. Ведь вот же способ пошехонский, подход особенный к вещам: должно быть дух навозный конский служил приправою ко щам.

За это можно быть спокойным, но только к ужасу людей в лечебнице открыли бойню болевших сапом лошадей. И после каждого убоя в лечебницу со всех концов, тряся костлявой худобою, бегут десятки жалких псов. Распотрошивши клячьи туши и не насытивши утроб, собаки, зло прижавши уши, столовку атакуют в лоб. И после трупов, после сапа в столовой той, во всех углах, собачья пасть, собачья лапа хозяйничает на столах.

А зав столовой, взявши палку и словно выйдя на большак, устраивает перепалку с огромной сворой собак. В одном углу — его победа, в другом — одолевают псы...

Поди, попробуй, пообедай в определенные часы!

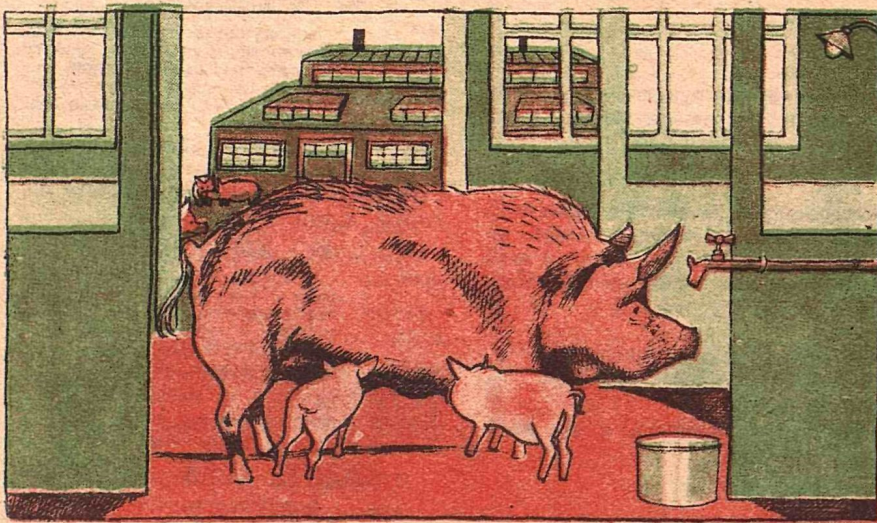
Вот образец!

Вот назиданье!

Нарпит кущевский, как никак, гордись «общественным питаньем» в чудесном обществе... собак!

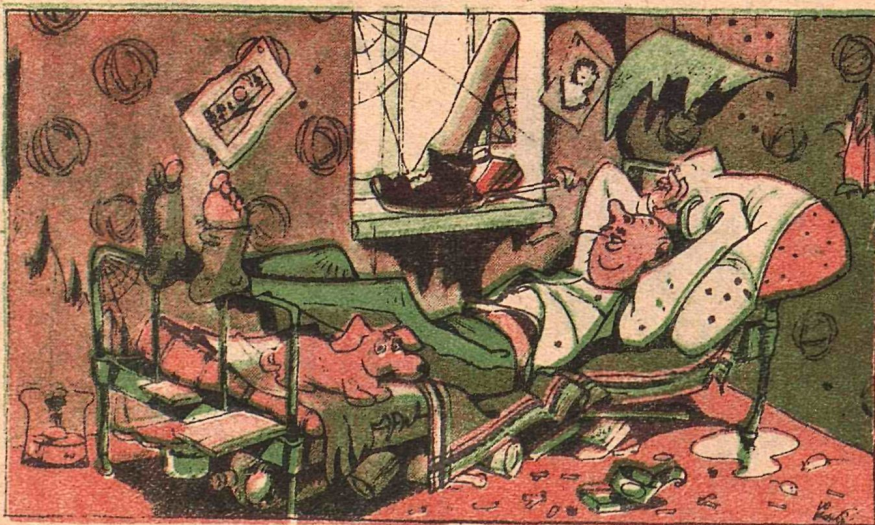
Гулик.

Ю. Ганф

У нас уже многие свиньи начали жить по-человечески...

(См. рис. ниже)

...Но многие люди еще продолжают жить по-свински.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО прошу не оглашать моего настоящего имени, потому что, если зав столовой и повар узнают автора сего произведения, то жизнь моя станет в порядке самокритики короче на целый хвост или вовсе отбудет к предкам в гости, что в настоящий момент крайне не желательно.

Молчать же больше я не могу. Пусть усы — краса и гордость моей кошачьей физиономии, радость и восхищение четвероногих подруг — превратятся в ничто! Пусть померкнут мои огненные глаза и отсохнут игольчатые когти — гроза вредителей продуктов питания! Пусть! Но я должен рассказать все! Будь — что будет!

I ВРЕДИТЕЛИ

Еще задолго до начала обеда рабочие электросилового отдела Надеждинского завода пытались разгадать, какой сюрприз готовит сегодня цеховая столовая. Большинство, анализируя опыт прошлого, с непоколебимой уверенностью утверждало:

— Суп будет непременно с гвоздями!

Меньшинство, основываясь на том, что возле столовой валялись кочья капусты и пакли, резонно доказывало:

— Нынче едим борщ с паклей!

Все перевернуло вверх тормашками и внесло волнение, сумятицу общественные парня о совершенно неизвестных запахах, несущихся из столовой. Как ни бились, определить точно событий, происшедших в цехе питания и насмерть поразивших общественное мнение, не могли. Секрет оставался секретом.

Наиболее дальновидные пророчествовали:

— Наконец-то в меню внесено разнообразие. Факт!

И когда наступил обед, галопом двинулись в столовую. Зав с подчиненными были несколько обескуражены подобной демонстрацией, но, увидев добродушные улыбки, взгляды, решили фасона не терять.

Лица их стали серьезно торжественными, словно на именинах. Это еще больше взвинтило настроение столующихся.

И наступил самый решительный момент. Повар снял крышку с котла и, окруженный облаками пара, начал черпать и разливать варено по тарелкам. Пятерых отпустил молниеносно, на шестом — загнулся. Чумичка, подцепившая что-то нанмоверно тяжелое, вырвалась из длани повара и скользнула в котел. Потребители стояли зачарованные.

— Мясато какой кусина?! Вот это да-а!

Рьяно помогали повару в последующей операции по извлечению тяжеловесного продукта.

— Так его, так! Прижимай к краю!

— Цепляй вилок, а то опять юркнет!

— Может, под'емный кран пригнать? А?

— Пошла! Давай разок? Еще разок! Идет! И-идет!..

Повар крикнул, и чумичка очутилась над котлом, оплетенная с'едобой, не походившей на мясо ни по существу ни по форме. При ближайшем тщательном рассмотрении было едино-

душно констатировано, что это не что, иное, как самый настоящий рукав от сильно поношенной рубахи, имевшей в детстве черный цвет.

Потребители, страшно взвешиванные, покинули столовую. Негодовал и зав.

— Ну, если бы целая рубашка в суп попала, тогда действительно безобразно. А то ведь один рукав — и, пожалуйста, губы надули, есть не стали! Теперь суп выливать придется. Сколько добра пропадет! Разве это не вредительство.

— Явно! — поддакивал повар.

Злые языки говорят, что скоро состоится суд над рабочими этого цеха, как над вредителями, а прокурорами выступят зав столовой и повар. Все возможно!

II

ТЕОРЕТИКИ

Администрация столовой чугунолитейного цеха того же самого Надеждинского завода увлечена гениальной теорией: «Грязь усиливает калорийность питания и вообще».

И вот уже в течение нескольких месяцев они, при благосклонном молчании общественных организаций, проверяют эту блестящую идею на практике.

Мусор не убирается принципиально, и его можно обнаружить в таких местах, куда его не могла бы запрятать человеческая фантазия со дня сотворения мира.

Посуда имеется в минимально ограниченном количестве, а ложки совсем отсутствуют. Рабочие едят суп через край тарелки, будто пьют чай из блюдечка.

— Сначала, конечно, будет трудно, помаются, — рассуждают теоретики, — а потом ничего! Привыкнут!

Для того чтобы аппетит потребителя был соответствующим образом подготовлен к моменту вкушения пищи, создали часовые очереди, суточные, бестолковые, как все хвосты на нашей планете.

Баки и наполнение их кипяченой водой признаны ненужной в реконструктивный период роскошью.

— Из-под крана попьете! Не испортитесь!

Результаты опыта уже есть. Рабочие бегут из столовой, как от чумы, и предпочитают обедать в цехе, на верстаках. Грязно, но все же чище столовой.

Опыты продолжают. Что-то будет! Что-то будет!

III

НАПОЛЕОН

Предзавкома Надеждинского завода тов. Белькович, пораженный фактами, которые сообщила бригада по обследованию санитарного состояния столовых, ударил себя в грудь и воскликнул:

— Довольно безобразничать!

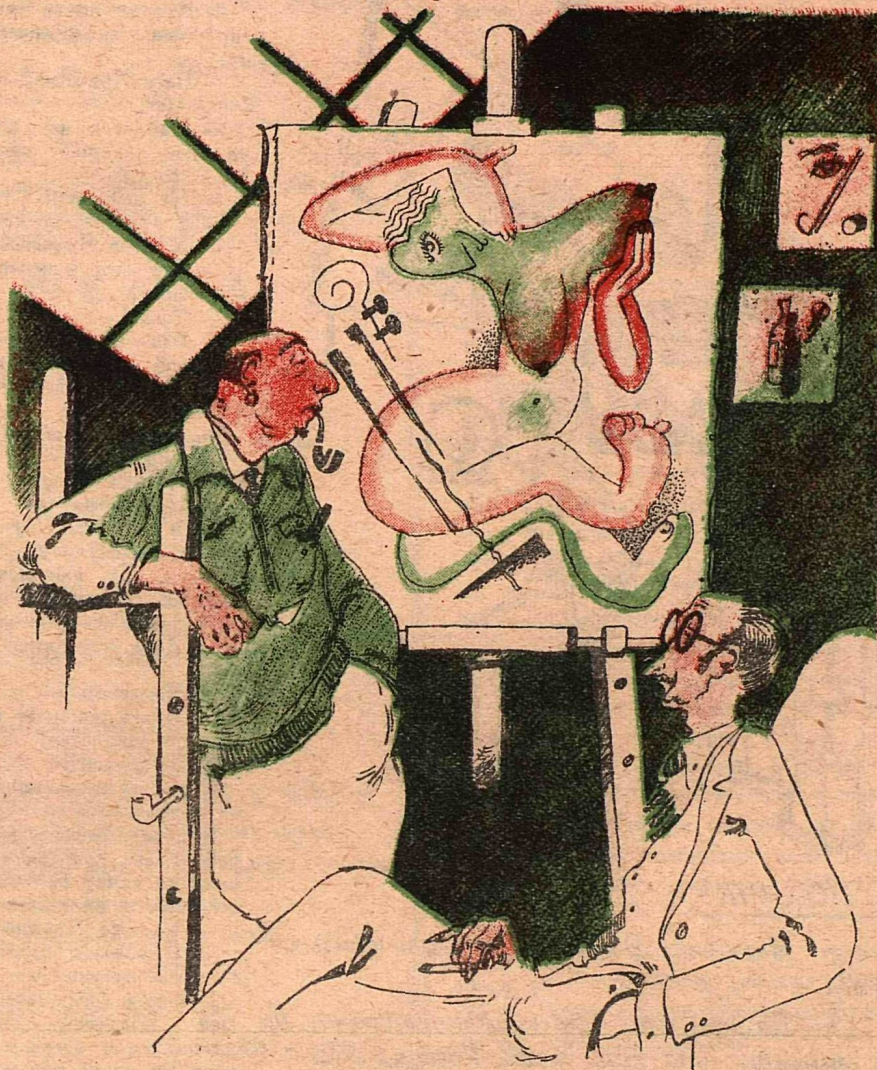
Исключительно верное, прямо-таки наполеоновское замечание! При перывборах завкома, которые уже начались, так надо и записать:

Завком цехстоловыми не интересовался, не руководил, а безобразничал. Стыдиться нечего!

Кот Васька.

*) Редакция удовлетворяет просьбу автора и дает его произведение под псевдонимом.

М. Храповский

СРЕДИ ХУДОЖНИКОВ

— Что у тебя с Васильевым произошло... Почему ты с ним не разговариваешь?..

— Между нами не может быть ничего общего. Я — сотрудник чисто, святого искусства, а он, представь себе, даже газеты читает...

СТРАНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ СВОИХ РАЗГИЛЬДЯЕВ

На 3-м сураханском промысле (Баку) по вине бурильщика Балабека Унаняна за короткий срок было 4 аварии в одной буровой. После каждой аварии буровая стояла.

СЕЙЧАС мы хотим показать всерьез

Пример разгильдяйского норва. Сидит Унанян, ковыряет нос. Скучает парнишка здорово. Начнет засыпать — храпит до утра. Кудачнет во сне, как курица. И вдруг в буровой — чего-то—трах! Стоит буровая, хмурится. Унанян вскопчил, затмлек скребет: Тревожит зря пролетария! С такой буровой — хлопот полон рот!

За сутки вторая авария! Конечно, простой, конечно, буза. Для плана — картина грустная. Ругают все Унаняна в глаза: — До чего, мол, — фигура гнусная! Назавтра он вахтить идет опять: — Сегодня уж, дескать, в ударе я! Стоит. Ковыряет в носу, соя... И — тррах!.. в буровой авария!..

Портрет мы с него не успели снять. А жаль! С портретом приличнее. Страна должна разгильдяев знать, Чтоб бить по ним энергичнее!

Егор Ехидный.

В ПОЛУЧКУ

— Что это Ванька в черную кассу полез?..

— Видит, что бутылка нарисована, ну и думает, что это лавка Госспирта...

ПРЕИМУЩЕСТВЕННОЕ СНАБЖЕНИЕ

(Корреспонденция из Севастополя).

В ОБЕДЕННЫЙ перерыв Васю Кречетова чествовали.

— Кто не имеет прогулов? — спрашивал председатель цехкома.

— Вася Кречетов, — ответно гудел цех.

— Найдется ли хоть один человек, который скажет, что Вася лодырь?

— Не найдется!

— У кого нет простоев?

— У Васи Кречетова!

— Кто дает и перевыполняет встречи?

— Вася!!

— Кто участвует в общественной работе? Чья бригада перешла на хозрасчет?

— Васина!

— Давай его сюда!

— Тащи!

— Лезь!!!

— Не стесняйся!

Вася вылез на кучу железа, сконфуженный до последней степени. Он, как истый ударник, был скромн и не считал себя ударником. А цех вопил.

— Дать ему книжку ударника!

— Заслужил!!

— Пусть покупает вне очереди, что захочется!

— Ур-рр-ра!!!

Утром на следующий день Вася отправился за керосином.

В складе шел ожесточенный бой. Толпа потребителей наступала на кучку скромных людей с красными книжками и ревела:

— Мы все ударники!

— В очередь становись!

— Не пустим!

Кто-то с соглашательской душой предложил расставить ударников в очереди через пятого, но толпа взвыла и не согласилась.

Какая-то женщина назвала Васю лодырем и негодяем. Остальные ударники получили — кто мерзавца, кто подлеца, кто прохвоста.

Не получив керосина, Вася побежал в магазин ЗРК за сахаром. Тут тоже шел бой с ударниками. Рассвирепевшие члены ЗРК тянули ошалевших ударников за рубашки, за брюки, совали в носы кулаки и тоже выла:

— В очередь!

— Мы все ударники!

Какой-то ударник взывал к заведующему:

— Установите порядок! У нас книжки! Почетные! Нам вне очереди!

Но заведующий пожимал плечами:

— Ничего не могу. Как очередь желает.

А очередь решительно и бесповоротно не желала.

Васю назвали дармоедом, сволочью и пообещали в следующий раз «набить морду». Вася, с удивлением поглядывая на красную книжечку, помчался в ЦРК и наткнулся опять на ожесточенное сражение ударников с неударниками. Васю здесь назвали сразу и дармоедом и лодырем.

На работу Вася опоздал. Это было в первый раз в его жизни.

Сейчас Вася держит красную книжечку в самом дальнем углу своего бумажника и безропотно становится в очередь, потому что красная книжка ударника, если и дает преимущества, то не в Севастополе. Здесь при предявлении такой книжки владельца ее ругают дармоедом и лодырем, а заведующие либо пожимают плечами, либо схищничают:

— Ударники, становитесь в очередь.

Дед Глаз.

О ЧЕРЕДНОЕ

У БОЛЬШОЙ столовой с маленькой вывеской выстроилась огромная зигзагами очередь. Хвост ее доходит до угла соседнего переулка. Рабочие, прижавшись плотно один к другому, смачно ругаются в затылок.

— По-моему, столовая должна уже открыться, — говорит пожилой каменщик со Станкостроительного. Время — одиннадцать с половиной, а они, прорды, не открывают.

— Нельзя, значит, — по часам все у них. Минута в минуту точно и определенно! — доказывает сидящий на тротуаре водопроводчик.

— Не иначе, сегодня и не откроют. Посмотреть бы, да ничего не увидишь: окна высоко и замазаны. Вон, у Васьки Травкина на часах уже без четверти двенадцать, а мы все стоим, как оглашенные.

— Евоным часам верить опасно, может, вперед дуют; они у него на пятнадцати камнях, шестнадцатый — кирпич.

— В столовых — свои часы, по ним они и план свой выполняют. Выйдет время — пустят, ночевать здесь не будем, — деловито замечает старый слесарь.

— Намедни вот в одной столовой был случай. Долго не открывали, измучились, стоявши, а администрация говорит: — рано еще, одиннадцать только, полчаса еще до открытия.

Высморкались ребята, закурили и опять принялись стоять. Кто сидит, кто лежит, кто на стенке сочинение пишет. Вдруг слышим, — в Кремле бьет половина двенадцатого, мы к заву — почему не пускаешь, время уже прошло, полчаса даже встречного пропало!

— Мало, что там в Сибири теперь 4 часа дня, у нас свое время — одиннадцать.

— И что же ты думаешь, оказывается, ходики в столовой остановились на одиннадцати, ходики стоят и люди остановились. Остановились, и ни тпру ни ну.

...Наконец, двери распахнулись, люди бросились в столовку, работая ногами и локтями. Перли, лезли, давили и щемили друг друга, стараясь как можно скорее захватить прибор, чем бы можно нлестиуть в рот чуть тепленького супцу или проткнуть хвостик разварного «чудачка».

Не пора ли «очередной» вопрос разрешить вне очереди.

С. Дорофеев.

СПОКОЙСТВИЕ хлебодатчиков, прибывших на ссыпной пункт Козловского района, Чувашской республики, было нарушено появлением маленького, шупленького человека. Он стремительно бежал среди подвод с хлебом и кричал:

— Опять дефициты дают! Чтоб мне с места не сойти, дают!

Весть о том, что дают дефициты, быстро обожала всех хлебодатчиков, и волнение усилилось.

— А может, он врет, может, он кулацкий элемент и так себе, нарочно агитацию пушает, — заметил кто-то из колхозного обоза.

Спешно выделенный колхозник отправился в разведку и вскоре вернулся грустный и испуганный.

Совершенно справедливо, дефицитные товары дают, — сказал он мрачно.

Паника нарастала, хлебодатчики спешили ссыпать хлеб, чтобы поскорей уехать домой, но вдруг у ворот ссыпного пункта появился дюжий человек, который спросил у беглецов:

— Куда?

— Домой. В деревню, в колхоз.

— А дефицитные товары за вас кто получать будет? — строго спросила личность, стоящая у ворот.

— Мы позавчера брали, вот те крест, брали, — божился один из колхозников, позабыв впопыхах, что он только вчера вступил в союз безбожников.

— Мало чего вчера, — возразила личность, — вчера—это само собой, а сегодня дело другое. Мы не можем

допустить, чтобы у нас хлебодатчики без дефицитных товаров обходились.

Растерянные хлебодатчики, испуганно озираясь, направились получить дефицитные товары.

В чем же дело? Почему весть о том, что дают дефицитные товары, повергла в уныние хлебодатчиков? На этот вопрос вам хорошо сумеет ответить председатель колхоза «Ударник», который днем позже стоял на площади

ЖЕЛАНИЕ

Пришел в столовую. Сперва,
Прильнув к хвосту унылой массы,
Торчал часа примерно два
У звонко тренькающей кассы.
И, получив из ней квиток,
За хлебом двинулся к окошку,
Потом, включаясь в людской поток,
Я добывал для супа ложку.
И так, мотаясь три часа,
Услышал я, краснея глупо:
— У нас осталась колбаса
И не осталось больше супа.
Ответ был короток и прост,
Я стал втупик, скребя в затылке,
Ведь этак снова в тот же хвост
Придется встать мне из-за... вилок.
Мои мечтания просты,
Букет желаний очень жалок:
Нам покороче бы хвосты
И подлиннее блюд каталог.

Сергей Ваза.

около кузицы с несколькими возами борон — «зигзаг» и выкрикивал:

— А ну, кому бороны? Новые бороны — «зигзаг»!..

Бороны действительно были новые. Закопченный кузнец внимательно осмотрел их, поковырял краску пальцем и спросил:

— Почем за штуку?

Председатель колхоза «Ударник» долго не раздумывал.

— Бери по пятерке, — отчаянно махнувши рукой, удачным голосом сказал он кузнецу.

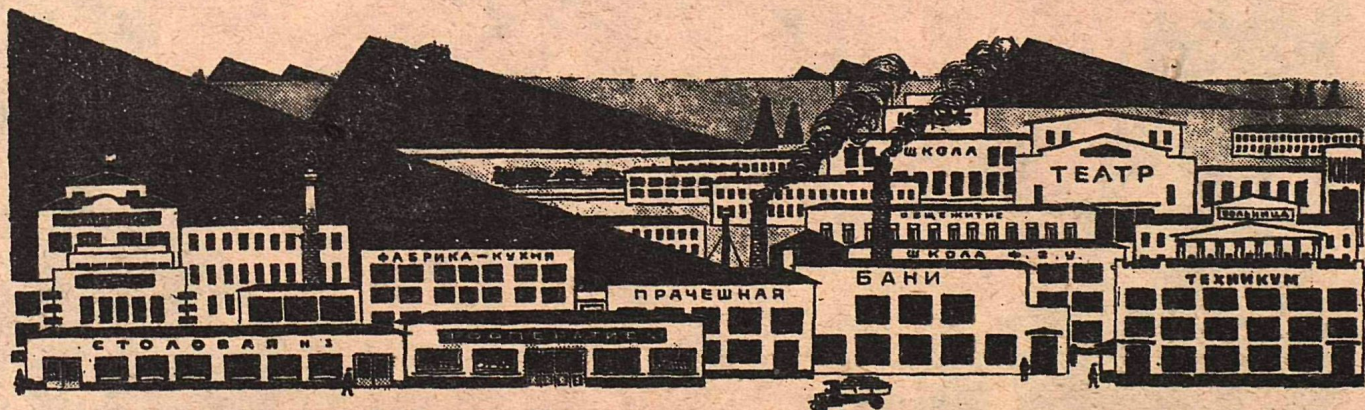
Пока кузнец складывал бороны, председатель колхоза «Ударник» подсчитывал убыток. Эти самые бороны и были тем дефицитным товаром, которого так боятся хлебодатчики Козловского района, Чувашской республики. Ничего не прислали, кроме борон в колхоз «Ударник» головотяпы из Райкоопсоюза, как будто все запросы хлебодатчиков только и сводятся к одной бороне; как будто только и есть в кооперации один единственный товар — борона. За эти за самые бороны с колхоза «Ударник» удержали по 18 руб. за штуку, а пришлось продать их по пятерке, так как колхоз успешно выполнил хлебозаготовки и теперь завален боронами «зигзаг».

За эти за самые бороны головотяпы из Райкоопсоюза должны сесть на ту самую скамейку, которая называется «для подсудимых».

Вяч. Сысов.

Д. Мельников

Для пол'ема угольной добычи нужно крепко драться за лучшее культурно-бытовое обслуживание рабочих.

Новейшие советские механизмы для подъема угледобычи.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Тверская, 8. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 5, 10, 15, 20, 25 и 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журнал «КРОКОДИЛ» — 40 коп. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до сроков, установленных местными почтовыми отделениями.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, И. Мануальский, А. Митинский, В. Флаов.

Зав. редакцией: И. Абрамский.

Ответственный редактор И. Мануальский

Москва. Изд. № 1393 Сдача текста и рисунков — 2/X. Подпись к печати — 14/X. Статформат А4—210×297 Печатных листов 2 Количество знаков 65 000

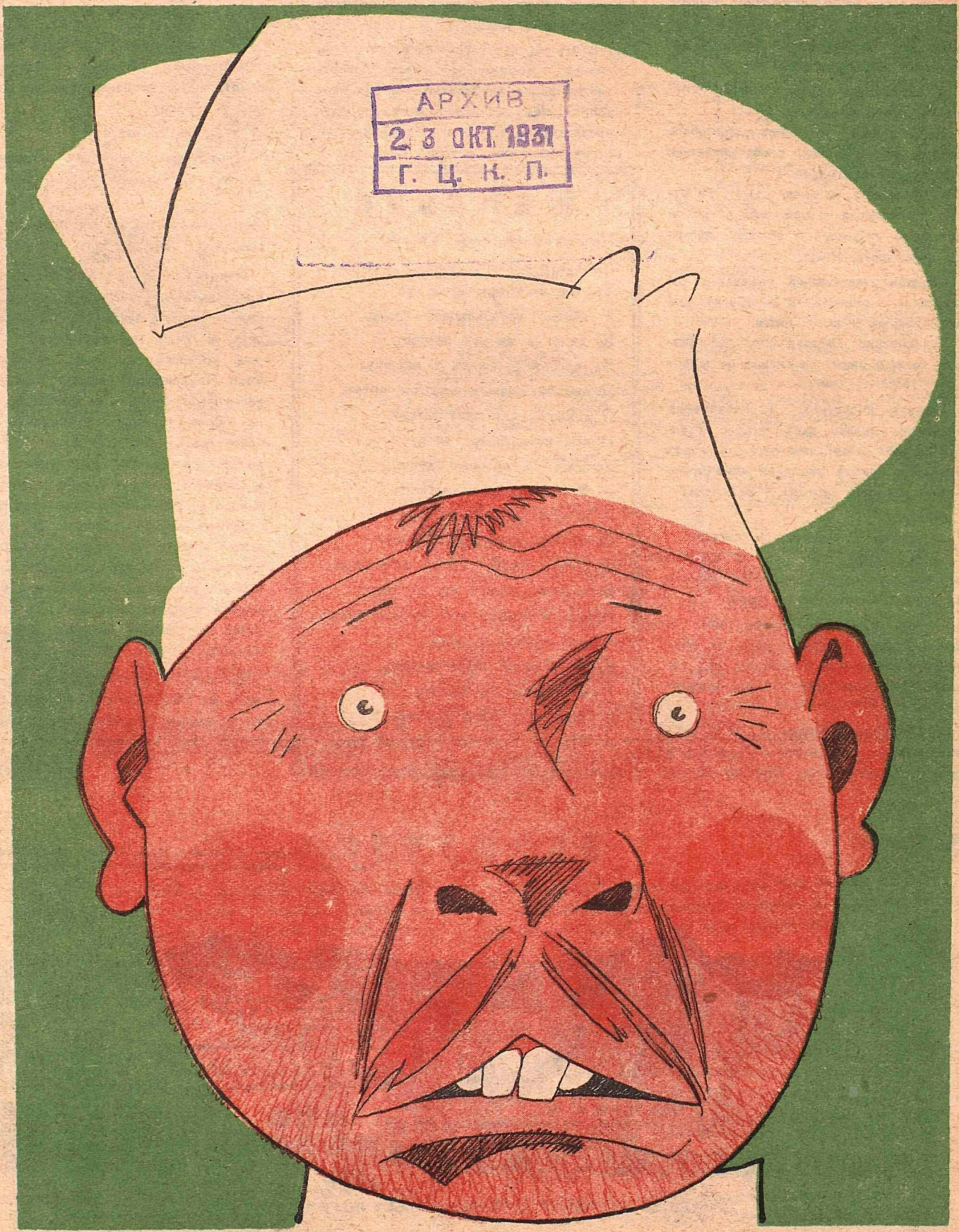
Уполномоченный Главлита № В—12382. Тип. «Рабочей газеты», Москва, Суздальский вал, 49. Зак. № 1558. Тираж 500.000 экз.

86
91/1

48602 ✓

Несмотря на отпуск достаточного количества продуктов и оборудования, питание во многих столовых поставлено еще плохо исключительно по вине оппортунистического руководства.

К. Ротов

ОППОРТУНИСТ: — Я же говорил: как бы чего не вышло.. Вот в моей столовой с общественным питанием ничего и не вышло!